

УДК 364.2;004.056.5

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/58/37>

**О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ
ОБЩЕСТВА: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
ИНДУКЦИИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СРЕДЕ ПОДРОСТКОВ
И ЮНОШЕСТВА ПРИ ВЛИЯНИИ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ И КИНО-
КУЛЬТУРЫ, ВИДЕОКОНТЕНТА ИНТЕРНЕТА**

©Кузина Н. В., канд. филол. наук, ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-код: 2069-8510,
Центр исследования проблем безопасности РАН, г. Москва, Россия, nvkuzina@mail.ru

**CURRENT STATE OF THE INFORMATION SECURITY: FORMATION MECHANISMS
AND WAYS TO PREVENT THE INDUCTION OF DESTRUCTIVE IDEOLOGY AMONG
ADOLESCENTS AND YOUTH UNDER THE INFLUENCE OF MODERN MUSIC
AND FILM CULTURE, INTERNET VIDEO CONTENT**

©Kuzina N., Ph.D., ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-код: 2069-8510, Center research
security problems the RAS, Moscow, Russia, nvkuzina@mail.ru

Аннотация. Анализируются методы конструирования идеологии насилия и прецеденты использования в качестве ее проводника произведений современной молодежной субкультуры и массовой культуры с адресным учетом мотивационно-ценностной модели и психологического типа потребителей (авторское и документальное кино и видеостримы, музыкальные видеоклипы, компьютерные игры-«шутинги») и пути эффективного противодействия указанному процессу в сфере молодежной и культурной политики. *Цель.* Описать образы и мотивы насилия в современной массовой и молодежной культуре с точки зрения их возможного влияния на поведенческие паттерны и деструктивность (у подростков и юношества). *Метод или методология проведения работы.* Проводился типологический анализ содержания видеоконтента (видеостримы, музыкальные клипы, авторское и документальное кино, игры-«шутинги»), типологический анализ состояния подростков и юношества с проблемами социализации из неблагополучных семей с точки зрения возрастной и клинической психологии, анализ диагностических, реабилитирующих, поддерживающих психолого-педагогических методов работы с точки зрения возможностей формирования социализации и упреждения роста уровня агрессии и деструктивности у молодежи. *Результаты.* Описаны типологические приемы и средства трансляции идеологии насилия через художественное творчество на актуальных примерах, а также некоторые важнейшие приемы формирования деструктивной идеологии в компьютерных играх и документальном видеоконтенте. *Область применения результатов.* Результаты исследования могут быть использованы в работе педагогических, медицинских (психологическая и психиатрическая помощь) и правоохранительных органов, а также органов культуры.

Abstract. The paper analyzes methods of building the ideology of violence and precedents of using the works of modern youth subculture and mass culture as its vehicle with targeted consideration of the motivational-value model and psychological type of consumers (author and documentary films and video streams, music videos, computer shooter-games) as well as ways of

effective counteraction to the specified process in the field of youth and cultural policy. *Purpose.* To describe the images and motives of violence in modern mass and youth culture in terms of their possible impact on behavioral patterns and destructiveness (among adolescents and youth). *Methodology.* Includes a typological analysis of the video content (video streams, music videos, auteur and documentary films, shooter-games), a typological analysis of the state of adolescents and youth with socialization issues from dysfunctional in terms of age and clinical psychology, an analysis of diagnostic, rehabilitative, supporting psychological-pedagogical methods of work from the perspective of forming socialization and anticipating growth of the level of aggression and destructiveness among young people. *Results.* The study identified typological methods and means of transmitting ideology of violence through artistic creation addressing relevant examples, as well as some of the most important methods for shaping destructive ideology in computer games and documentary video content. *Practical implications.* Results obtained may be used in the work of pedagogical, medical (psychological and psychiatric help) and law enforcement agencies, as well as cultural authorities.

Ключевые слова: социализация, возрастная психология, социальная психология, социальная безопасность, видеоконтент, экстремизм, идеология насилия, девиантное поведение, искусство, работа с трудными подростками, художественные средства.

Keywords: socialization, developmental psychology, social psychology, social security, video content, extremism, the ideology of violence, deviant behavior, art, work with difficult teenagers, artistic means.

Актуальность исследования. 29 мая 2020 г. Указом №344 Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» введена в использование уточненная редакция «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее — *Стратегия*). В документе предлагаются новые важнейшие формулировки, более точно описывающие явления деструктивной деятельности.

Предлагается более широкое понятие «идеологии насилия» в дополнение к понятию «экстремистской идеологии», а также корректируется дефиниция понятия «радикализм»: «Экстремистская идеология — совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов» [45, с. 2]. «Идеология насилия — совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей» <...> «радикализм — бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации» [45, с. 2].

Понятие «терроризм» в российском законодательстве также определяется через понятие «идеология насилия» [2]: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий» [39, с. 32]. Наиболее агрессивная форма терроризма при этом - «суицидальный терроризм» [39, с. 5].

Отмечается, что «угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения экстремистской идеологии» [45, с. 5]. Важнейшей угрозой является распространение «мнения о приемлемости насильственных действий для достижения поставленных целей» [45, с. 5].

Отдельно отмечается, что наиболее существенному воздействию данной идеологии подвергается молодежь. Указывается на необходимость «создания единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму», а также «эффективных мер, направленных на информационное противодействие распространению экстремистской идеологии» [45, с. 8], «совершенствование процедуры проведения экспертизы материалов, предположительно содержащих информацию экстремистского характера» [45, с. 10], «принятие мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов, социальной исключенности отдельных групп граждан» [45, с. 12], «выявление способов оказания экстремистскими организациями информационно-психологического воздействия на население, а также изучение особенностей восприятия и понимания различными группами людей информации, содержащейся в экстремистских материалах» [45, с. 13], «проведение мониторинга девиантного поведения молодежи, социологических исследований социальной обстановки в образовательных организациях, а также молодежных субкультур в целях своевременного выявления и недопущения распространения экстремистской идеологии» [45, с. 14-15].

В качестве ожидаемых результатов реализации Стратегии названы, в том числе, «уменьшение доли преступлений насильственного характера в общем количестве преступлений экстремистской направленности», «недопущение распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации и Интернете, «формирование в обществе, особенно среди молодежи, атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятия экстремистской идеологии» [45, с. 20, 21].

Степень изученности проблемы. В Российской Федерации в 1990-2010-е годы защищено несколько десятков диссертаций о проблемах насилия [44; 26], агрессии [52] и экстремизма [5; 6; 37], в том числе их отражения в культуре [4; 9; 21; 36; 46; 52]. В исследованиях в том числе анализируется результат проявления идеологии насилия в культуре [24, 27, 47] и ее влияния на состояние юношества [16; 23; 43; 53; 56] и дальнейшие процессы в социальной жизни, приводятся классификации экранного насилия [47; 52], описываются формы институализации экстремизма в молодежной культуре [40; 42; 58].

Рассматривается взаимосвязь таких явлений, как агрессия, насилие, экстремизм, терроризм [2; 3; 10; 12; 13; 18; 19; 20; 25; 28; 32; 37; 38; 44; 57]. Репрезентации агрессии, насилия, экстремизма в культуре могут не только влиять на моральный климат общества и психику воспринимающих лиц, но и быть использованы в политической сфере. Отмечается, что обсуждение и изображение их в произведениях культуры имеет как психотерапевтическую (снятие страхов и формирование социальных ценностей), так и антисоциальную функцию (угроза реализации изображенных сюжетов). Известно, например, что рок-музыка конца 1980-х гг. готовила падение режима СССР, а кинофильмы о противоправной деятельности формировали специфический образ социальной реальности и условия для изменения государственного устройства.

Последствия роста агрессивности в 1990-е годы анализируются, например, в исследовании Т. А. Хагурова «Феномен агрессии в системе ценностей современного общества» [55]. Приводя статистические доказательства роста агрессии (высокий процент

заклученных на 100 тыс населения и высокий процент суицидов) [55, с. 9], автор рассматривает причины ценностной обусловленности агрессивного поведения [55, с. 7].

Противопоставляется антивитальная, неадаптивная идеология насилия и адаптивная, оборонительная витальная архаическая агрессия, присущая человеку (по Э. Фромму) [54, с. 9].

По Т. А. Хагурову, агрессия — «любые действия (либо намерения, не реализованные в действии по каким-либо причинам, но стремящиеся к этому), имеющие целью причинение ущерба или вреда (неважно — прямого или косвенного) другим, в независимости от характера преследуемой цели: обеспечение витальных интересов индивида, или же удовлетворение садистских черт характера» [55, с. 10]. Автор приходит к выводу, что «гипертрофированные формы проявления агрессии в уголовно-правовой сфере российской действительности, детерминированы, в первую очередь, причинами культурно-идеологического плана: разрушение имеющихся в общественном сознании представления о дозволенном и недозволенном, воздействие распространяемых потребительских ценностей западного Постмодерна, распространение среди населения (при активной поддержке масс-медиа) криминальных культурных образцов, в которых агрессия, представлена одной из доминирующих ценностей» [55, с. 14]. Феномен подростковой агрессии так же имеет «ценностную обусловленность, усугубляющуюся негативными последствиями кризиса социализирующей функции нашего общества, при активном внедрении в подростковое сознание западных культурных образцов» и связан со специфическими средовыми влияниями [55, с. 14].

Истоки агрессии, как отмечает автор, находятся «в специфике ценностей современного общества», прежде всего в общей деструктивности культуры Постмодерна [55, с. 17].

Если в 1990-е гг. центральным явлениям была криминальная агрессия и агрессия в немногочисленных национальных сообществах, в настоящий момент происходит рост агрессии в среде юношества и автохтонного населения.

В российской и зарубежной междисциплинарной науке в данный момент сформировалось целое направление, изучающее проявления насилия в обществе. Анализ понятия «насилие» в его социологических дефинициях дан, например, О. Ю. Тевлюковой [48]. Насилие и агрессию с точки зрения психических процессов много лет изучает С. Н. Ениколопов [19].

Агрессия, являющаяся архаическим механизмом реакции индивидуума на среду и во многом влияющая на шансы его выживания в древнейшей культуре, имеющая психологические классификации (прямая, косвенная, вербальная и др.), применительно к описанию социальной реальности измеряется интенсивностью и продолжительностью [33, с. 126] и может быть разделена по функции и направленности на экспрессивную (непроизвольные вспышки гнева, ярости, не имеющей целевой напряженности), враждебную (сопровождается нанесением ущерба, применением насилия), инструментальную (представляет собой средство достижения цели).

По приемлемости для общества насилие подразделяется на «структурное — закрепленное в образе жизни, общественном мнении», «манифестное — насилие, осуждаемое и запрещаемое обществом», «личное — исходящее от одного лица и проявляющееся в его непосредственном поведении» [33, с.126].

Отмечается распространение течений, оправдывающих насилие, в разных сферах общества [20, с. 6] — в политике, философии, культуре, спорте. При этом повышается роль

радикализма [20, с. 11], идеологически обосновывающего «применение насилия для решения различных проблем любого общества», «идеологии коренных перемен в обществе».

Возникают экстремистские течения, стимулирующие, оправдывающие, эстетизирующие насилие, фанатизм, опору на чувства, инстинкты [18, с. 56].

И отечественными, и зарубежными исследователями особо отмечается роль подражания, мимесиса в порождении и распространении насилия. При этом за данные процессы отвечают в психике архаические механизмы, которые при активизации плохо поддаются контролю: «У архаического человека нет иного способа реакции на насилие, кроме подражания. <...> архаические люди не хуже современных видели в насилии зло, но единственным способом ответа оставался миметический: зло может быть преодолено другим злом. Соответственно это ведет к эскалации насилия» [31, с. 79].

Характерной чертой эпохи является эстетизация насилия в культуре, прежде всего в визуальной, «экранной» [52], где насилие начинает рассматриваться как характерное и приемлемое проявление межличностных отношений, взамен незрелищным предлагаются зрелищные формы его репрезентации (натуралистичное насилие, насилие-«экшн», насилие-игра — карнавальное, натуралистическое и комическое, репрезентация садистского насилия) [52, с. 15], этически обесцененные, ориентированные на непосредственно-чувственное мироощущение спонтанно-аффективные проявления инфантильного человека при актуализации архаических пластов его сознания [52, с. 7]. Отмечается, что помимо адаптации личности к социальным отношениям, демонстрация данных сцен имеет компенсаторную и гедонистическую функцию, функцию изживания социальных страхов и канализирования насилия в виртуальную сферу, а также идеологическая роли насилия [52, с. 9].

Эстетизация насилия идет через его поэтизацию, внесение комического начала, витализацию, архаизацию, через формирование чувства отвращения и через замыкание на сам образ насилия «как самодовлеющий знак» [52, с. 19-20]. Через образы насилия в экранных искусствах демонстрировалась деструкция мещанской морали в 1960-е гг., распад идеологии в 1990-е гг. [52, с. 21]. Как предполагает автор, в России изображение насилия на экране позволяет уменьшить невротизацию «общества риска», сдерживать агрессивные импульсы [52, с. 23].

Терроризм также рассматривается как идеология пропаганды и оправдания насилия [2, 10, 13, 40]. Одной из детерминант террористической деятельности является коллективное насилие [39, с. 4].

Изображение актов терроризма в культуре при этом выстраивается по законам архаического восприятия [4].

Результаты исследования насилия, агрессии и экстремизма в среде молодежи в последние десятилетия активно публикуются и в России, и за рубежом [8, 17, 24, 42, 58].

Анализ понятия «жизненная позиция» и инструментальное ее исследование у членов националистических организаций юношеского возраста с помощью батареи психологических тестов с опорой на теорию транзактного анализа Э. Берна проводят, например, С. В. Бонкало и Т. И. Бонкало [8].

Было установлено, что «делинквентное поведение молодых людей, согласно выявленным корреляционным плеядам, взаимосвязано с нарциссической, изолирующей и депрессивной позициями, тогда как позитивное отношение к себе, другим и окружающему миру в целом, напротив, обуславливает снижение склонности личности в отклоняющемся поведению» [8, с. 71]. Отмечается, что «жизненная позиция членов молодежных националистических организаций в целом имеет деструктивный характер. Она

характеризуется неустойчивостью, неосознанностью выбора, ценностной пустотой, неопределенностью жизненных целей, их суженными границами и гедонистической или фаталистической направленностью, личностно-центрированной ориентацией и нарциссическим, изолирующим или депрессивным отношением к себе и к миру в целом. Существует значимая корреляционная связь между склонностью личности к девиантному поведению и гедонистической и фаталистической направленностью ее жизненной позиции» [8, с. 71].

Готовящая молодых людей к национализму «нарциссическая жизненная позиция, предполагающая построение жизни на основе модели «Я хороший — мир плохой», обусловлена прежде всего демонстративными эмоциями, отсутствием альтруистических и коммуникативных эмоций, негативным восприятием окружающего мира, завышенной самооценкой, приводящей к эгоцентрическим тенденциям, потребностям и чувствам» [8, с. 70]. Авторами было выявлено, что «нарциссическая жизненная позиция характерна для 62, 90% молодых людей — членов молодежных националистических организаций и 22, 58% социально адаптивных студентов — их сверстников. В экспериментальной группе 16, 93 % испытуемых — члены националистических организаций — были отнесены к личностям с изолирующей жизненной позицией. Изолирующая позиция, построенная на модели «Я плохой — мир хороший», обусловлена эмоциями обиды на свой прошлый жизненный опыт, неверием в себя и вместе с тем романтическими настроениями и амбивалентными чувствами, приводящими к исковерканной идентификации себя как «недостойного» и к сознательному уходу от реального мира. Подобная жизненная позиция не дает возможности для самореализации и самоидентификации молодых людей, препятствует их выходу на пределы собственной жизни, сиюминутных устремлений и желаний. Такая жизненная позиция положительно коррелирует с уровнем внушаемости личности, что свидетельствует о возможности трансформации у них социально ценностных ориентаций в псевдоценности» [8, с. 70].

Также было выявлено, что «еще один тип негативно окрашенной жизненной позиции членов националистических организаций — это депрессивная жизненная позиция, обусловленная присутствием фаталистических эмоций, апатией, раздражительностью, невротоподобными состояниями, истеричностью и неверием в возможность изменить себя и окружающий мир» [8, с. 70].

Авторы отмечают, что в качестве противодействия рекрутированию молодых людей в националистические организации «целесообразно в первую очередь формировать позитивный и адекватный их взгляд на мир, развивать позитивную, основанную на принятии себя и других, жизненную позицию» [8, с. 71].

За последние двадцать лет десятки монографических исследований и учебных пособий посвящены противодействию распространения терроризма и экстремизма в молодежной среде [17, 29, 30, 34, 35, 39]. Важнейшим условием является анализ социокультурных моделей, влияющих на формирование и распространение данной идеологии [5]. Отмечается, что именно молодежь в силу черт мышления и поведения, максимализма и нигилизма, мировоззренческой неустойчивости и неудач в поисках самоидентичности, стремления к обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонности к проявлению различных форм максимализма и протеста может быть средой для пополнения организаций, пропагандирующих идеологию насилия. Этому способствуют противоречия социокультурной, экономической, социальной, политической и духовной жизни России [5, с. 4]. Отмечается факт формирования нового поколения с особыми целеустановками и

специфическими ценностями [5, с. 5]. Они проявляются в том числе в молодежной субкультуре [5, с. 5]. Молодежь находится в положении объекта социализации, подчинения и зависимости от взрослого поколения, в состоянии недостаточной определенности и незавершенности выбора смысложизненных ценностей, а потому не может в полной мере реализовать свой ресурсный потенциал. В целом молодежи оказывается присуще мироощущение, связанное с разочарованием, пессимизмом, растерянностью, апатией, безнадежностью и др. [5, с. 9-10]. Агрессия при этом выступает как способ снять тревогу и получить мнимый выход из трудной ситуации через эмоциональный агрессивный взрыв. Проявляется тяготение к социальному экстремизму, социальному нигилизму и радикализму, нравственному релятивизму, склонность к крайним средствам и способам достижения целей при завышенных социальных ожиданиях, неуправляемость процесса социализации и возможность существования групповых форм взаимодействия [5, с. 12].

Актуальным направлением работы в сфере смысложизненных приоритетов и ценностей российской молодежи называется формирование позитивных социокультурных ценностей нового типа культуры ненасилия [5, с. 179].

Площадкой для обсуждения проблем распространения и отображения насилия в обществе и культуре стали в том числе специализированные зарубежные периодические научные издания («Journal of Violence, Mimesis, and Culture», «International Journal of Conflict and Violence» и др.).

Зарубежные исследователи рассматривают, помимо проблем терроризма, также и проблемы репрезентации насилия в искусстве (не только визуальном), подчеркивая роль искусства в распространении идеологии насилия и дискутируя по вопросам оправданности мотивов агрессии и образов насилия в культуре.

Обсуждается вопрос о соотношении вреда и пользы от репрезентации насилия в искусстве — оно психотерапевтично и способствует снижению агрессии или, напротив, распространению ментальной «инфекции», росту агрессии.

N. Lawtoo, например, в двух работах [65, 66] обсуждает вопрос о связи изображения насилия с теорией катарсиса и проблемами бессознательного в античной и современной эстетике, в частности, пытается разъяснить двояко решаемый исследователями вопрос о том, насколько тесной и однозначной является связь между насилием в культуре и в мире, где доминирует данная вымышленная реальность (хотя и отличающиеся иногда повышенной реалистичностью); насколько аффект, возникающий при просмотре театральных постановок и кинофильмов с образами жестокости, а также от участия в видеоиграх, может выступать в качестве очищающей патологические проявления человека терапии, или формирование вымышленных представлений о ситуациях насилия способствует его распространению в социуме [65]. N. Lawtoo говорит о силе заражения, вовлечения [66]. Несмотря на то, что использование при работе с пациентом катарсиса, реакций на сцены насилия предназначено в теории психотерапии в качестве выхода для патологических, травмирующих переживаний в психике потребителя культуры, позволяет перевести их из бессознательного в сознание, повторно воспроизвести, переработать и избавиться от них, терапевтической практикой европейского специалиста успешность метода оспаривалась и в итоге от него отказались, как от запускающего процесс «миметического» инфицирования.

E. Brighi отмечает [62], что 1980-1990-е гг. в мировой культуре стали временем обиды и гнева, образы которых отражали крушение картины мира человека, рост взаимной ненависти и экзистенциальной обиды, враждебности к другим и к миру в целом. Также E. Brighi приходит к выводу, что распространение терроризма было вызвано в том числе

психологическими процессами, а именно — в эпоху продолжающегося мирового экономического кризиса рост губительных негативных эмоций и состояний гнева и ярости.

Н. Oberpfalzerová, J. Ullrich, Н. Jeřábek [67] рассматривают медицинское и социальное значение художественных историй и личных воспоминаний участников событий о насилии и терроризме, имевших место в исторической реальности. По мнению авторов исследования, данные произведения могут снимать психологическую травму социума и содействовать примирению групп, находившихся в конфликте. Отмечается, что инициатива создания художественных повествований может быть распространена на международном уровне, так как помогает устранить многие факторы, препятствующие примирению.

Целый том немецкого университетского журнала «International Journal of Conflict and Violence» в 2017 г. (т. 11) посвящен проблеме насилия и ее описанию в социологии: Focus: Violence — Constructing an Emerging Field of Sociology (Фокус: «насилие — создание новой области социологии»).

Е. Hartmann в преамбуле к выпуску журнала «Violence: Constructing an Emerging Field of Sociology» [64] отмечает, что насилие находится в центре внимания социальных наук и стало предметом новой области социологии как социальный факт. Меняются или должны измениться методы исследования явления и измениться тенденция рассматривать его как только моральную или политическую проблему.

Р. Collins [63] рассматривает две модели насилия в историческом аспекте — эмоциональные конфликты переломного момента (на коротких отрезках времени) и рассеянные конфликты истощения (в длительные исторические периоды), а также стратегию действий осуществляющих насилие сторон. R. Collins отмечает, что чем сильнее выражается установка на эмоциональную силу конфликта, тем более уверенности в быстрой победе осуществляющей насилие стороны за короткой промежуток времени.

С. В. Bills в обзоре теоретических и эмпирических исследований актов насилия с точки зрения построения повествования и концептуальности [61] говорит о тесной связи между актами агрессии через убийство и через самоубийство, несмотря на различные интерпретации данных актов в религии, медицине и социальных науках. С. В. Bills вводит понятие направления потока агрессии и предлагает рассматривать вопросы формирования насилия, обращаясь и к сфере культуры.

N. Schils, A. Verhage [68] анализировали причины вступления молодежи в радикальные и террористические, экстремистские группы. Вопрос был изучен в Бельгии на основании полуструктурированных интервью с молодыми людьми, считавшими себя радикалами или экстремистами. Личные истории респондентов помогают выявить маршрут мировоззренческой радикализации и организации экстремистских групп через Интернет, в оффлайн, описать набор в них и их повседневную деятельность. Результаты исследования уточнили причины и пути радикализации молодежи, включая процедуру рекрутирования (онлайн и оффлайн). Как оказалось, содержание идеологии не было первым стимулом для поиска сообщества. Более существенную роль играло общее недовольство обществом и поиск способов борьбы с ним.

Цели исследования: охарактеризовать образ деструктивной деятельности, предлагаемый подросткам и юношеству в интернет-пространстве; описать систему психолого-педагогических методов взаимодействия с подростками и юношеством для исключения распространения деструктивных мировоззренческих тенденций.

Задачи исследования:

Провести анализ документального и музыкального (видеоклипы) видеоконтента — прежде всего на платформе YouTube, отражающего деструктивные поведенческие паттерны и затрагивающие темы терроризма (русскоязычный материал).

Провести анализ причин обращения подростков и юношества к деструктивной ценностной парадигме и экстремистской/террористической идеологии.

Разработать рекомендации по организации своевременной комплексной помощи подросткам и юношеству в период взросления, выявлению и устранению причин возможного протестного обращения представителей данных возрастных групп к девиантным деструктивным мировоззренческим системам и их присоединения к деструктивным (в том числе террористическим) группам.

Материал исследования: представленные в аудиовизуальной культуре артефакты, являющиеся документальной записью событий или художественной конструкцией, отражающей образы насилия, а именно — музыкальные видеоклипы исполнителей различных течений, содержащие сцены насилия и популярные у подростков и молодежи; видеостримы компьютерных игр со сценами насилия; обнародованные документальные видеозаписи событий, связанных с экстремистскими действиями/гибелью подростков и молодежи; художественные фильмы об аналогичных событиях на основе реальных или вымышленных событий.

Методика исследования: анализ содержания и структуры, причин психологического воздействия артефакта на реципиента.

Результаты исследования

I. Содержание контента. Особую роль в формировании образа деструктивного поведения в целом у молодежи, в том числе романтического образа насилия, и в наиболее отягощенном варианте — террориста и терроризма как явления — имеют произведения художественной, прежде всего массовой, культуры, распространяемые наиболее широко с помощью Интернета.

«Три кита» современной молодежной и массовой культуры — кино, музыкальная индустрия и индустрия компьютерных игр. По всем трем направлениям идет тиражирование не только образов приоритетных ценностей общества потребления, но и насилия. Отметим аудиовизуальный характер данных артефактов, то есть тот факт, что воздействие на потребителя идет сразу с помощью нескольких сенсорных систем. Остановимся в данной работе на музыкальном видеоконтенте и киноконтенте (как документальном, так и художественном), а также записанных в форме видеороликов стримах компьютерных игр.

В качестве предварительной гипотезы можно отметить, что создание образа идет с установкой на сенсацию и на эмоциональную травму, передаваемый образ всегда неоднозначен (сообщение о нем имеет признаки амбивалентности, «двойного послания»), разрушая устойчивые представления подростков и юношества о добре и зле).

К числу исследованных видеоклипов относятся следующие произведения: «Террорист» ДДТ, «Иордан» Noize MC feat. Atlantida Project и др., «Антифриз» (2017) и «Ярость» (2017) Seryoga, «Ствол за пояс», «Обрез» (2019), «Прикури от ствола» (2017), «Армия» (2012) Ноггано, «Смерти больше нет» (2018), «Марш» (2020), «Плак Плак» (2020) и др. IC3PEAK, «Пироман» (2017), «Пуля-дура», «Панелька», «Крот» (2017) и др. Хаски, «360°», «Аqua» Элджея и др.

К числу исследованных относятся комментированные видеостримы игр Morimiya Middle School Shooting и других стримов аниматоров школьных расстрелов, комментированных в процессе игры русскоязычными пользователями, аналогичных продукции, размещенной на <http://www.columbinegame.com/>, Grand Theft Auto V (Rockstar Games), Dota 2 (Valve), Wiedźmin (CD Projekt RED).

К числу исследованных документальных стримов (в случае, если они велись) и фильмов — журналистских репортажей относятся истории Кати Власовой и Дениса Муравьева из Струг Красных Псковской области (2016), Романа Шингаркина и Александры Соловьевой из Москвы (2018), Евгении Хасис и Николая Тихонова из Москвы (2009), Акбарджона Джалилова из Санкт-Петербурга (2017), Владислава Рослякова из Керчи (2018).

К числу исследованных художественных фильмов и пьес относятся «Заложники» (2017) Р. Гигинейшвили, «Диалоги убийц» (2018) Е. Сковороды, «Бесы» (2014) В. Хотитенко.

Исследована была также и эмоциональная реакция зрителей на данные артефакты на платформе «YouTube», проявившаяся в виде комментариев и «лайков».

Согласно наблюдениям, проанализированные артефакты относятся к общему, сюжетно единому пространству, понятийно и эмоционально-психологически неожиданно актуальному для подростков и молодежи. Данный контент востребован для просмотра на платформе «YouTube».

Музыкальные клипы. Тема насилия охватывает различные современные музыкальные направления от рока до вичхауса. Как отмечал Т. Адорно, «очевидно, социальный смысл музыки раскрывается только постепенно — он скрыт, замаскирован, когда музыка появляется перед слушателем впервые. Он не выходит наружу непосредственно из самого явления объекта. <...> Как шифр социальную музыку можно прочесть лишь тогда, когда эти моменты перестают поражать, занимая передний план сознания, когда то, что является новым с точки зрения музыкального языка, перестает казаться порождением индивидуальной воли, но когда за манифестацией индивидуального начала уже чувствуется коллективное единство <...> Современные общественные конфликты запечатлеваются в новейшей музыке, но противятся своему осознанию» [1, с. 155].

Все проанализированные музыкальные видеоклипы содержат образы насилия и/или противоправной деятельности. Образ деятеля при этом или романтизируется, или маргинализируется с целью создания эмоционального шока, травмы. Присутствует апелляция к культурным стереотипам (Сергея — «Ярость»), национальным образам (Ноггано — «Ствол за пояс»), люмпен-культуре (Хаски — «Пуля-дура», «Панелька»), культуре дауншифтеров (IC3PEAK — «Смерти больше нет»).

Тематика музыкальных произведений: грабеж и нанесение телесных повреждений (Хаски — «Пуля-дура» и др.); убийство (Сергея — «Антифриз», Ноггано — «Прикури от ствола», IC3PEAK — «Смерти больше нет»); поджог (Хаски — «Пироман», Сергей — «Антифриз», IC3PEAK — «Смерти больше нет»); военные действия и террористический акт в метро (Noize MC — «Иордан»); суицид (IC3PEAK — «Смерти больше нет»); воспевание ярости, агрессии как исторического прецедента, ретроспективные упоминания случаев обострения противоречий, разрешавшихся путем столкновений (Сергея — «Ярость»); протест, неприятие жизни обывателей (ДДТ — «Террорист», IC3PEAK — «Смерти больше нет»); месть (Элджей — «360°»); тема наркотрафика (Ноггано — «Армия» и др.).

В клипах присутствуют образы, связанные с особой жестокостью. Происходит героизация убийства, нередко массового (Сергея — «Антифриз», «Ярость» и др.), в том числе из мести (Элджей — «360°», Ноггано — «Прикури от ствола» и др.). Особую роль в клипах

играет акт смерти (всегда есть в кадре или присутствует за кадром, подразумевается), изображенный подчеркнуто натуралистично или с установкой на эмоцию отвращения (Элджей — «360°», IC3PEAK — «Смерти больше нет», Серега - «Антифриз» и др.). Эстетика клипов связана с установкой нанесения эмоциональной травмы, воздействие на психику сверхсильными раздражителями за пределами «добра и зла». Тот же прием используется в стримах и документальных съемках о реальных событиях и террористических актах.

Одновременно в клипах присутствует юмор, как правило, связанный с мотивами находчивости персонажей текста или клипа, находящих возможности обходить требования законодательства, нарушать законодательство, прежде всего в сфере оборота наркотических веществ. Происходит девальвация социальных ценностей и устанавливается приоритет ценностей противоправных.

При изображении в клипах актов поджога, разбоя, подготовки терактов, убийств на первый план у авторов клипов выходит протестная роль преступной деятельности. Источником этого архетипа в отечественной рок-культуре является образ террориста Ивана Помидорова, созданный в композиции «Террорист» группы ДДТ, несколько десятилетий назад воспринимавшийся автором, вероятно, как иронический.

Опасность видеоконтента часто заключается в его амбивалентности. Например, текст клипа может быть пацифистским (Noize MC — «Иордан»), видеоряд — агрессивным, с изображением актов террора (в клипе Noize MC «Иордан» автор выступает и как персонаж-подрывник). Двойственность изображаемого — в том числе наличие сострадания по отношению к персонажу (Элджей — «360°», Хаски — «Пуля-дура»), служит причиной возможного оправдания жестокости и убийства справедливостью (месть за убийство в случае Элджея - «360°» или за нарушения морали — например, в случае Хаски - «Пироман»).

Суицид в музыкальных клипах также изображается как возможный бунт, наряду с противоправной деятельностью, террористическими действиями и убийством. Часто суицид (или самоподжог, самоподжог) является итогом террористического акта.

Насилие в целом пропагандируется в клипах как устойчивая, исторически сложившаяся идеология (Серега — «Ярость»).

Таким образом, на подростка и юношество влияют образы, созданные негативно ориентированными по отношению к социуму харизматическими лидерами/взрослыми. В центре сюжетов музыкальных клипов находится убийство (Ноггано — «Прикури от ствола», Элджей — «360°», IC3PEAK — «Смерти больше нет», «Плак Плак»), подготовка взрыва (Noize MC - «Иордан»), поджог (Серега - «Антифриз», IC3PEAK — «Смерти больше нет»), разбой и грабеж (Хаски — «Пуля-дура», «Пироман»), участие в наркотрафике (Ноггано — «Армия») и др.

Видеоигры. В интернет-пространстве, в частности — на платформе YouTube, распространена практика размещения записей пользователями пройденных ими «сражений» в компьютерных видеоиграх с комментированием действий в процессе игры. Сюжет однотипен: записи игр (видео-стримы) рассказывают о том, как герой от первого или от третьего лица убивает других персонажей игры, а также гибнет сам.

Например, русскоязычный стрим игры Morimiya Middle School Shooting. Игрок выступает за террориста-одиночку, девушку. Дан ее психологический портрет, описана судьба ее семьи (смерть матери и уход отца). Показала подготовка девушки к теракту, ее внутренние рассуждения. Игрок может регулировать действия террористки, он делает это в прямом эфире. Игрок комментирует по-русски весь процесс игры: от подготовки к шутингу и выбора оружия, до совершения самого теракта. Среди предметов вооружения для

террористки как аллюзия присутствует и оружие, из которого проводился расстрел в школе Колумбайн.

В процессе игры GTA 5, записи которой также востребованы пользователем платформы YouTube, участник может выступать от имени как полицейских, так и организаторов теракта. Имеются голосовые комментарии игрока (часто одобряющего характера). Например, в записи GTA 5. Прохождение игры в ролике «Террористы захватили метро!» на канале MisterKey (2017 г.).

На платформе YouTube имеется большое количество записей игры Dota 2, часто в устных комментариях игрока в ролике и в тексте под видеороликом присутствует нецензурная или военная лексика. Под роликами на каналах указываются лица, как правило, подростки, перечисляющие денежные средства игроку, ведущему стрим. Суммы разнятся от сотен до нескольких десятков тысяч рублей, количество перечисливших денежные средства может составлять сотни человек.

Некоторые авторы каналов на платформе YouTube в иронической форме анализируют компьютерные игры и самостоятельно приводят к выводу о присутствии в их содержании явлений, запрещенных законодательством Российской Федерации, в частности в связи с наличием пропаганды терроризма и экстремизма, например в ролике «Майнкрафт и экстремизм» на канале Сьендук. Показательно, что ролик имеет 6 300 негативных оценок (дизлайков) и 213 позитивных оценок (лайков), а также 14 656 комментариев, большинство из которых включают негативную оценку российской законодательной практики.

Художественный мир компьютерных игр характеризуется общими сходными чертами (обычно они обозначаются как игры с сеттингом — определенными условиями симулированной вселенной, мира; игры-шутеры, предполагающие стрельбу). Это героизация насилия, культ смерти (и стереотип бессмертности героя), подрушивание реальности мира (в том числе через условности «сеттинга»), аргументация оправданности насилия, юмористическая демонстрация остроумного и жестокого противоправного поведения некоторых персонажей, находчивости героя.

Помимо имеющихся условий (сеттинга) и «задания» игры, в качестве психологической причины насилия/агрессии в пояснении к ней может называться самозащита в тяжелой жизненной ситуации через агрессию (например, предыстория девушки, героини японского шутинга и др.).

Таким образом, в среде игроков компьютерных игр явление терроризма и насилия может не иметь негативной оценки, а борьба с терроризмом со стороны государства, напротив, оцениваться негативно.

Представители данной культуры имеют доступ в Интернет, сформированное умение работать в команде, знания основных этапов и принципов организации как индивидуального, так и группового терактов или противоправных деяний (через тренировку в компьютерных играх, заменяющих симуляционное обучение, широко используемое в данный момент во многих профессиях, требующих сложных, сформированных до состояния навыка, действия).

В результате длительного использования в качестве досуга подобной продукции у игроков возникает тенденция к негативной самоидентификации.

Таким образом, можно утверждать, что к настоящему времени сформировалась имеющая свои культурные манифестации агрессивная молодежная контркультура с хорошо развитой схемой социального взаимодействия, консолидации и с возможностью быстрого сбора колоссальных денежных средств для деятельности уже в реальном мире.

Очевидно, что вербовка представителей данной социальной группы представителями террористических организаций будет облегчена.

Документальные стримы и журналистские репортажи. Высокой популярностью (до нескольких миллионов просмотров и десятки тысяч положительных оценок – «лайков») могут пользоваться документальные записи реальных событий с участием подростков и юношества, связанные с преступной деятельностью, или журналистские репортажи о них. Например, «Струги Красные (Псковская область), 15-летние девятиклассники Катя Власова и Денис Муравьев 14.11.2016» (<https://clck.ru/QnsbP>), «Недетский мир. Псковская трагедия. Специальный репортаж Ксении Кибкало» (<https://clck.ru/Qnsbs>), «Псков. Страшная трагедия в Стругах Красных: двое подростков покончили с собой 14.11.16» (<https://clck.ru/Qnscg>), «Студент одного из московских колледжей зарезал преподавателя, а после совершил самоубийство» (<https://clck.ru/QnsdF>), «Сын бывшего депутата Госдумы 11-классник Роман Шингаркин и его подруга, ученица медицинского колледжа Александра Соловьева, покончили с собой» (<https://clck.ru/QnseC>), «Погиб Роман Шингаркин» (<https://clck.ru/QnsfD>) и др.

Документальная видеопродукция может быть построена так, чтобы вызвать сострадание к персонажу, который в силу различных обстоятельств оказывается вовлечен в террористическую деятельность («Питер.4.03.2017» Л. Яппаровой и др.).

Театр и киноиндустрия. В современных художественных фильмах и драматургии, посвященных насилию и терроризму, источником сюжета может быть как литературное произведение (роман Ф. М. Достоевского «Бесы»), так и реальные события.

Характерным примером рефлексии о преступлениях, совершенных молодежью, является фильм Р. Гигинейшвили «Заложники» (<https://start.ru/watch/zalozhniki>), получивший награды по двум номинациям на фестивале «Кинотавр» 2017, о реальных событиях в Грузии в 1983 г., связанных с попыткой захвата самолета семью молодыми людьми, имевшей большое число жертв. Фильм отличает неоднозначная оценка образов террористов, а также лиц, осуществляющих возмездие от лица государства.

Документальную основу текста в виде одиннадцатидневных записей прослушивания квартиры преступников имеет одноименный спектакль Театра.doc и пьеса «Диалоги убийц» Е. Сковороды (2018) о событиях 2009 г. — двойном убийстве в Москве, совершенном по указанию лидера неонацистской Боевой организации русских националистов (БОРН — запрещена в Российской Федерации) И. Горячева его сторонниками Н. Тихоновым и Е. Хасис (<https://clck.ru/Qnu2L>). При прослушивании пьесы, в основу которой положены записи, ставшие доказательством причастности лиц к убийству в суде, происходит серьезная ценностная дезориентация потребителя данного продукта творчества.

В 2014 г режиссером В. Хотиненко была создана экранизация романа Ф. М. Достоевского «Бесы» о русском терроризме. Фильм собрал на платформе “YouTube” более миллиона просмотров каждой серии, тысячи положительных оценок. В центре сериала - романтический образ главного героя, идеолога терроризма Ставрогина, и образ его последователя Верховенского, Негативные образы, созданные Ф. М. Достоевским как пародия на русский терроризм, приобрели благодаря данной экранизации неоднозначность, границы между добром и злом, созиданием, благородством и деструкцией размыты.

II. Психологические причины интереса юношества к данному контенту. Существенной психологической проблемой современного общества является раннее физиологическое взросление нового поколения и, с другой стороны, трудности его социализации, отражающиеся прежде всего в психоземotionalной сфере, а также родительская депреация

(нередко связанная с высокой занятостью взрослых) или ее противоположность — директивный стиль воспитания. Трудности социализации порождаются не только родительским стилям воспитания, но и существенными различиями между терминальными и операционными ценностями (по Г. Триандису), транслируемыми в обществе — как в образовательных организациях, так и в семье, порождающие когнитивный диссонанс у подростков и юношества. Воспринимаемые подростком амбивалентные «двойные послания» создают угрозу поведенческой и эмоциональной нестабильности. Молодое поколение теряет точку опоры, испытывает затруднения в формировании ценностно-мотивационной системы и жизненной позиции.

Одной из поведенческих черт подростков является, в частности, в силу гормонального созревания зависимость от бомбардировки гормонами коры головного мозга. Эмоциональная нестабильность, склонность к агрессии в подростковом и юношеском возрасте связана также с большим объемом миндалевидного тела (подкорковой структуры мозга), вызывающей неконтролируемые проявления агрессии.

В силу особенностей этапа физического и психического развития (максимализм, категоричность, обостренное чувство справедливости, эмоциональная неустойчивость, отсутствие страха смерти, отсутствие сформировавшейся мотивационно-ценностной системы, ресурс высокой физической активности, интерес к экстремальному, конфликтогенность и др.) не поддержанные в своей «беде» подростки и юношество в ситуации вовремя не распознанных специалистами проблем социализации становятся особенно уязвимыми для влияния деструктивных мировоззренческих тенденций. Данные влияния осуществляются оказывающими «альтернативную» поддержку носителями деструктивного мировоззрения, нередко — «харизматическими лидерами» (часто людьми акцентуированными, находящимися в пограничном состоянии), на представителей указанных возрастных групп как неконтролируемо, спонтанно — путем индукции собственных специфических эмоционально-психологических состояний и ценностей (в том числе через художественное творчество и моду, путем распространения определенной информации или ее особой мотивационно-эмоциональной оценки с использованием средств передачи информации), так и целенаправленно — с целью формирования групп с противоправными целями деятельности, характеризующимися деструктивным поведением и установкой на причинение физического, материального либо иного ущерба личности.

Необходимо принимать во внимание, что в момент выстраивания социализации у подростка (еще дошкольника) формируется базовая модель взаимоотношения с миром, социумом (жизненный сценарий), известная в самом общем виде по моделям Эрика Берном («я хороший — мир хороший», «я хороший — мир плохой», «я плохой — мир хороший», «я плохой — мир плохой») [7].

В силу трансформационных процессов в обществе [14, 15, 22, 41, 49, 50, 51] (прежде всего вызванных сменой общественно-политической формации) процесс социализации подростков и юношества, традиционно связанный на каждом этапе взросления с решением одной из задач (и при решении ее — успешный), стал усложнен, возрастные задачи социализации оказываются нерешенными вовремя, а потому на психику взрослеющих людей падает двойная и тройная нагрузка.

Формирование базовой модели двух типов — «я хороший — мир плохой», «я плохой — мир плохой» — ведет подростка в дальнейшем к агрессивным действиям по отношению к социуму и другой личности, а также к деструктивному или зависимому поведению, может подтолкнуть как к самоизоляции, социофобии, так и к вхождению в антисоциальные группы

с деструктивной, в том числе террористической, идеологией. Это отмечают в том числе и исследователи жизненных позиций молодежи, принадлежащей к националистическим организациям [8].

Пятая стадия социализации по Э. Эриксону (подростковый и юношеский возраст — 11–20 лет) становится временем формирования идентичности [59, 60]. В данный период наличие негативных примеров или образов, имеющих особую харизму для подростка, может формировать альтернативные представления себя возможного и своего места в мире. Наличие нескольких авторитетных разнонаправленных образцов формирует мозаичную, спутанную идентичность, приводит к затруднениям в выборе круга общения, предпочитаемого будущего. При кризисе идентификации подросток может негативную идентификацию или идентификацию с членами некоторой социальной общности, группы, «семьи». Диффузная идентичность, возможная на границе подросткового, юношеского возраста и взрослости, причиняет страдания. Облегчает их наличие четко выстроенной системы убеждений, аксиоматических утверждений, часто – заимствованных, в том числе и с негативным смыслом.

Исполнители музыки — творческие, независимые, конфликтующие — лучше всего соответствуют образцу для формирования идентичности. Воздействие звука, ритма, визуального ряда, создаваемых образов создает эффект катарсиса, сильного эмоционального воздействия. К числу почитателей данных исполнителей присоединяются подростки и юношество с проблемами социализации и несформировавшейся идентичностью. Данное творчество на определенном этапе может быть поддерживающим в кризисной ситуации, однако почитатели таланта нередко повторяют судьбу самих исполнителей. Показателен пример с американской группой Linkin Park. Ее солист, Честер Беннингтон, переживший насилие в детстве, многих почитателей спас своей музыкой от кризиса, но закончил жизнь, вернувшись в зрелом возрасте в аутодеструкции и суициду. В 2000-е годы у молодежи была популярна отечественная группа «Король и шут» и ее солист Михаил Горшенев, погибший от приверженности алкоголю и морфину в 39 лет.

Прогноз жизни многих музыкантов с темами агрессии в творчестве, несмотря на популярность у определенных возрастных групп их творчества, к сожалению, без помощи специалистов, почти однозначен.

К дефектной социализации подростков и юношество, таким образом, толкает ряд причин. Прежде всего — существенное социальное и имущественное расслоение [40, 49, 50, 51], тяжелые условия формирования и жизни в семьях, негарантированное получение конкурентноспособного образования, а также негарантированность в случае высокой успеваемости и хорошего образования, профессиональных навыков наличия стабильного и ожидаемого уровня благосостояния. Таким образом, существенный процент населения страны в возрасте до 20-21 года находится в зоне риска в части формирования адаптивной жизненной позиции. Учитывая высокую плотность общения среди подростков и юношества и наличия средств общения с помощью Интернета, представители данных групп имеют возможность находить и получать информацию, объединяться в группы по интересам и ценностным ориентациям. Еще одна часть подростков и молодежи, находящаяся в зоне риска, — это находящиеся не только в социальной, но и в родительской депривации дети из семей, имеющих высокий уровень дохода, но характеризующихся в целом атмосферой эмоциональной холодности в быту, прежде всего по отношению к детям. Данные представители молодого поколения имеют доступ к техническим средствам,

неконтролируемое свободное время и риск ухода в деструктивные мировоззренческие системы в силу протеста.

Таким образом, социальная и семейная депривация, доступ к техническим средствам, высокий уровень чувства справедливости, отсутствие страха смерти, высокие когнитивные навыки делают эти две группы подростков и юношества уязвимыми по отношению к разрушительным влияниям извне, прежде всего к влиянию идеологии насилия, в том числе - электоратом для рекрутеров экстремистских групп.

Желание заявить о себе и своих страданиях, пусть и ценою жизни, чтобы тебя услышали, – потребность многих разочарованных в мире, своих возможностях и своем будущем подростков. Желание мести миру, обида на взрослых, отсутствие долговременного планирования жизненного пути, депрессия толкает таких молодых людей либо на акт неповиновения и бунта в творчестве, либо на доступные им акты деятельности в реальности. Отсюда возникает протестное творчество, а также протестные действия — в терминальном проявлении включающие аутодеструкцию, суицид, шутинги и др. В эту парадигму вписывается и интерес к террористическим и экстремистским группам. В случае наличия дефектов в социализации (тяжелое положение семьи, алкоголизованные или отстранившиеся родители, невозможность получить хорошее образование, неприятие в микросоциуме школы и класса, отсутствие друзей или затруднения в реализации контактоустанавливающей функции, склонность к гемблингу, одиночество, наличие обсессивно-компульсивных расстройств и вредных привычек) возникает как самозащита в том числе тяготение к ортодоксальной и крайней идеологии. Подобная идеология воспринимается как способ ощутить свою силу, избранность, возможность влиять на мир. Происходят поиски сильного, харизматичного, успешного в глазах почитателей лидера вне семьи.

Идеологическая основа русского терроризма XIX в молодому поколению, как правило, не знакома (террор народников изучался в советской школе, а в последствие исчез из учебников история), не знают они и имена М. А. Бакунина, П. А. Кропотника и др. Сведения об идеологии насилия приходят к молодому поколению через артефакты массовой культуры (музыкальное и киноискусство, компьютерные игры и др.).

Ситуация 2010-х гг. в среде молодежи повторяет ситуацию перехода России к иным общественно-политическим формациям в середине XIX в. и в 20-е годы XX в. Данный факт подтверждают сходные образные системы, присутствующие в художественных произведениях, а именно — наличие «депрессивных» сюжетов, изображение «тупика» для молодого героя. В середине – второй половине XIX в. Это, например, «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, «Нечка Незванова», «Подросток» Ф. М. Достоевского, в 1920-е гг. — «Гибель Егорушки», «Месть» Л. М. Леонова, «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Во второй половине XX в. – начале XXI в.: «Школа для дураков» А. В. Соколова, «Чучело» В. К. Железникова и др. В советское время эти произведения очень редко открывали действительность травмирующую, неприемлемую для подростка. В основном художественная культура старалась показать позитивный образ разумного мира, существующего вокруг подростка.

В ситуации преобладания «двойных посланий» в семье или обществе, этический образец могло дать только искусство, высказывание в котором должно было стать однозначным и четко разделить положительное и негативное, доброе и злое. Данные характеристики были присущи художественной культуре социалистического реализма,

однако культура постмодернизма конца XX — начала XXI вв. не ориентирована на конструирование гармоничной модели мира.

Молодежная культура и видение молодежью мира всегда отличалось протестностью. Однако, как правило, такая модель мира имела идеологическую основу, то есть взамен разрушаемого, отвергаемого, молодежь выдвигала некие иные идеалы, например революционные, социалистические, свободы личности и т. п. Особый период — 1990-е годы, когда существенную роль в изменении государственного строя сыграло музыкальное протестное искусство — рок-музыка, с помощью которой в том числе был разрушен советский строй. Аналогичный протест, но не с конструктивными установками на будущее, а с деструкцией, образом тупика, присутствует в молодежной культуре сейчас, спустя более двадцати лет.

Необходимо отметить, что роль автора в культуре сейчас, благодаря наличию интернет-аудитории, выполняет сам подросток. Современная культура — это уже не только творчество профессионалов, но и вполне востребованное творчество подростков и юношества. Прецеденты юных авторов были в истории мировой культуры. Но если, например, в 1920-е годы молодежь, как 22-летний Шолохов в романе «Тихий Дон», ставила глобальные вопросы бытия, то сейчас ее творчество отражает мировоззренческий кризис, ценностный тупик. В произведениях молодых, как правило, нет позитивной установки, идеологической программы.

Формы творчества охватывают прежде всего уже не слово, а музыкальный и видеотекст, а также деятельность, которая в XXI в. стала формой искусства, образовав направление «акционизм». Главной целью становится уже не воспитание через искусство, а самовыражение личности художника, нередко дезориентированной или обладающей деструктивными ценностями, возможно — утилитарными целями (продающаяся «поп-культура», ориентированная на популизм и приоритеты общества потребления с целью повышения доходности от продаж культурного продукта).

Новое искусство ориентировано на развлекательность или на нанесение эмоциональной травмы, шок, сенсацию. Более всего тяготеют к данному полюсу синкретичные виды художественного продукта, в первую очередь «экранно-звуковые», музыкальные. Не случайно Т. В. Адорно [1] считал музыку наиболее влияющим на состояние респондента инструментом. Благодаря использованию музыкальных фрагментов и пения, воздействия определенными ритмами, частотами и громкостью, реципиент нередко при прослушивании вводится в трансное состояние, его психика становится уязвимой, подвергается в том числе воздействию через лексику, сопровождающую музыкальный фон.

Общий смысл жизненной позиции, передаваемой через такое искусство: «В жизни нет смысла, люди враждебны мне, я враждебен людям, я в наркотическом экстазе или в зависимости от интернет-технологий, но я буду творить». Общий смысл видеостримов и художественных, и документальных фильмов: «Я вырвусь из этого мира, пусть даже ценой гибели, уведя как можно больше людей за собой». Данные идеологические установки близки радикальным идеологическим установкам, в том числе предлагаемым деструктивными группами.

Подобная жизненная позиция сформировалась уже у нескольких поколений молодых людей, занимающихся творчеством, — от Энтео (Д. С. Цорионова), М. Алехиной, Н. Толоконниковой, Noize MC до Хаски, Элджея, IC3PEAK, «Монеточки» и др.

Им близки некоторые блогеры (Руслан Соколовский, Дмитрий Иванов и др.), представители полуоформившихся противоправных групп, известных в последние годы из информационной повестки судов.

Процессы в среде подростков и юношества в целом близки происходившим во второй половине XIX в. (описаны Достоевским) и в 20-е годы XX в. (описаны А. С. Макаренко и др.), возникает ситуация стигмированности подростков и молодежи, часто – феномен нового беспризорничества или эскейпизма, абсентеизма среди молодежи, перерастающих затем в асоциальное и антисоциальное поведение. Происходит негласное возвращение социума в целом к идеологии насилия тех лет. В середине-второй половине XIX в. — это идеология терроризма, затем переродившаяся в революционную идеологию большевизма, в 20-е годы XX в. — идеология военного коммунизма, революционного террора. В настоящее время при возвращении к капиталистической модели производства снижается значение личности человека, он и его труд воспринимаются как средство получения прибавочной стоимости и обогащения. Не имеющий возможности проявить себя в этой ценностной модели подросток бунтует против такой системы. Но в современном обществе нет развитых школ мастерства педагогов уровня К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Л. Соловейчика, чтобы данный бунт излечить и остановить.

III. Пути предупреждения влияния деструктивной идеологии: психолого-педагогическая работа. Основной пафос данной работы состоит не в аргументации необходимости установления надзора за молодым поколением, а в своевременной помощи ему для исключения разрушительных для личности и общества последствий усвоения деструктивной идеологии.

Комплекс мероприятий может включать как работу с потребителями деструктивного интернет-контента подростками и молодежью, так и с создателями контента.

При работе с юношеством необходимо своевременно выявлять проблемы как самих подростков и молодежи, так и воспитывающих их семей, осуществлять компетентную психолого-педагогическую поддержку.

Необходимо исследовать уровень агрессии у подростков и юношества, понимая, что акцентуированные и эмоционально нестабильные реципиенты легче усваивают деструктивную идеологию и ее образцы, тиражированные в культуре.

Уровень агрессии лица, прямой или косвенной, выражаемой в действиях, вербально и в намерениях, в любого типа художественных высказываниях, может быть изучен с целью прогностики поведения. К данным методам (метод изучения агрессии и враждебности А. Басса — А. Дарки (BDHI), методы изучения акцентуаций личности К. Леонгарда — Г. Шмишека, методики изучения копинг-стратегий Р. Лазаруса (WCC) и психологических защит личности Г. Келлермана — Р. Плутчика (LSI) и др.) должен обязательно прилагаться анализ «анамнеза жизни» (Anamnesis vitae), изложенного, например, в виде рассказа о себе, периодически проводящихся интервью.

Может быть востребована (с адаптацией) методика Миннесотского многофакторного опросника (MMPI), методика выявления ценностно-мотивационных ориентаций личности (М. Рокич, Ш. Шварц, Г. Триандис) и др.

Эмоциональная нестабильность молодежи и мотивирующие на деструкцию образцы искусства толкают к преступлениям, в состоянии аффекта или под влиянием навязанного образца. При работе с создателями контента необходимо сотрудничество с представителями творческой элиты, культуры андерграунда, с представителями независимой и «народной» журналистикой в части как их поддержки, так и рекомендаций по содержанию

видеоконтента. Большинство лиц, развивающих деструктивные мотивы в творчестве, имеют дефекты социализации, выраженные акцентуации, могут находиться в пограничном состоянии и др. Репликация, тиражирование их творчества приводит к вовлечению и их почитателей в дальнейшем в противоправную деятельность, к усвоению дефектного представления о реальности и даже к формированию индуцированного психоза.

В фильмах, репортажах, клипах, создаваемых для молодежи и подростков, следует рекомендовать исключить наличие «двойных посланий» в оценке преступлений, связанных с насилием.

Необходимость данных мер подтверждается обилием положительных оценок потребителями деструктивных роликов, клипов и иных видеосюжетов, наличие специфических поисковых запросов пользователей в связи с организацией противоправных действий в Интернете и тот факт, что очень большая часть активности подростков и юношества остается скрытой (отсутствие доступа к данным WhatsApp, Viber, Facebook и т.п.)

В культуре, в условиях интернет-блогов и видеоплатформ приобретающей нелимитированный доступ к своему потребителю, необходимо изживать постмодернистскую установку на культ насилия, по возможности маргинализируя образцы, пропагандирующие насилие, устраняя моду на харизматичный образ творческого человека с депрессивными установками и нестабильным психо-эмоциональным состоянием.

Необходимы в отдельных случаях заключения на культурный продукт не специалистов в данной области культуры, а психолого-психиатрической службы, а также блокировка не только экстремистских произведений, но и произведений, угрожающих психическому здоровью подростков и юношества.

Совершенные юношеством и подростками деструктивные действия часто имеют связь с сюжетикой и тактикой компьютерных игр. Востребованы в данном контексте исследования воздействия компьютерных игр на уровень агрессии пользователей [11]. Если в социальном мире подростку некомфортно, он выбирает бегство в симулированный мир «сеттинга», стирающий грань между реальностью и вымыслом, благодаря визуальным технологиям, помогающий сформировать навыки взаимодействия и стратегического мышления, а затем переносит их в социальную реальность. Необходимо описать механизмы данного влияния.

Психологам школ и служб социально-психологической помощи населению необходимо иметь психологический паспорт личности учащихся, а в случае проблем у подростков и юношества в поведении и в учебе — аналогичные исследования семей. Минимальным набором для тестирования могут быть ММРІ, тест на акцентуации личности К. Леонгарда – Г. Шмишека, тест «совладающего поведения» (копинг-стратегий) Р. Лазаруса (WCC), тест диагностики психологических защит личности Г. Келлермана – Р. Плутчика (LSI), тест изучения агрессии и враждебности А. Басса – А. Дарки (BDHI), тест ценностных ориентаций личности М. Рокича – Ш. Шварца, тесты на выявление значимых негативных и позитивных стимулов личности, профориентационные тесты для юношества. Должна проводиться групповая работа с целью «проигрывания» и разрешения психологических проблем подростков и юношества и их семей, с целью предупреждения ухода в негативизм, агрессию, для помощи в самореализации позитивными способами.

В случае обнаружения у респондента в результате применения инструментальных методов высокого уровня агрессии, с целью выявления факторов, потенциально вызывающих эмоциональные всплески и состояния аффекта, должны отдельно исследоваться значимые психоэмоциональные стимулы личности — как позитивные, так и негативные.

Со стороны психолого-социальных служб необходима ранняя диагностика проблем в семье ребенка с высоким уровнем деструктивности и агрессии. Должны иметься также полномочия и инструменты помощи подобным семьям.

Может быть востребован институт наставничества: подростку с высоким уровнем агрессии и конфликтами в семье необходим значимый Другой взрослый, человек-образец, из числа успешно реализовавших свой жизненный путь, способный вызвать доверие. Позитивный пример жизни наставника поможет сформировать позитивные ценности, усвоить успешные стратегии адаптации и социализации. Подросток и молодой человек должен понимать, кто профессионально окажет помощь и поддержку и тяжелых жизненных обстоятельствах, иначе он обратится к значимому взрослому, который даст оружие, наркотики или подтолкнет к ситуации, в которой можно их получить.

Необходимо длительное наблюдение за судьбами подростков и юношества с высоким уровнем агрессии и дефектной социализацией со стороны специалиста или значимого Другого. В исключительных случаях необходим комплекс психиатрической (медикаментозной) и психотерапевтической помощи со стороны специалистов. С этой целью необходимо наличие специалиста по подростковой и юношеской психиатрии в школьном штате и в иных учебных заведениях. Востребовано также наличие профессиональных психиатров в коллективах специалистов, работающих с контентом Интернета, соцсетями в связи с необходимостью выявления деструктивных тенденций, особенно в среде подростков и юношества.

Список литературы:

1. Адорно Т. В. Избранное: Социология музыки. М.: СПб.: Университетская книга, 1998.
2. Антонова Е. Ю. Терроризм как идеология насилия // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. №2. С. 69-74.
3. Апажева С. С., Барзбиев М. И., Геграев Х. К. Экстремизм в молодежной среде. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2017. 190 с.
4. Артюх А. В. Феномены насилия и терроризма в культуре: философско-антропологический контекст взаимоотношений: Дисс... канд. филос. наук. Белгород, 2013.
5. Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2007.
6. Башкатов О. В. Насилие как социокультурный феномен: Дисс... канд. социол. наук. Саратов, 2001.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1997.
8. Бонкало С. В., Бонкало Т. И. Особенности жизненной позиции членов молодежных националистических организаций // Системная психология и социология. 2015. №3(15). С. 63-72.
9. Борисов С. Н. Практики насилия в культуре: Философско-антропологическая рефлексия. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2013.
10. Букреев В. И. Человек агрессивный: Истоки международного терроризма. М.: Флинта: МПСИ, 2011. 334 с.
11. Ветушинский А. С., Салин А. С., Галанина Е. В. Видеоигры: Введение в исследования. Томск, 2018.
12. Гишинский Я. И. Социальное насилие. СПб., 2017.
13. Горбунов К. Г. Психология терроризма. Омск, 2007.

14. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: Опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011.
15. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: Социологический портрет. М., 2010.
16. Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия: Профилактика детской агрессивности и жестокости. М.: Наука, 2006.
17. Деев С. Ю. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций. Элиста, 2018.
18. Дорожкин Ю. Н., Изилиева Л. О. Терроризм как социально-политическое явление. Уфа, 2005. 119 с.
19. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014.
20. Залиханова Л. И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2014.
21. Зимбули А. Е. Культура и насилие: Этический анализ. Дисс... д-ра филос. наук. СПб., 2002.
22. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998-2008 годы. М., 2011.
23. Костенко М. А. Детское насилие в образовательной среде: Феномен, природа, проблемы предотвращения и преодоления. Барнаул, 2014.
24. Кошкин А. П., Жидких В. А., Новиков А. В. Восприятие студентами образа боевика-террориста. М., 2017.
25. Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. М., 2014.
26. Кропалева Т. Н. Роль насилия в генезисе противоправного поведения подростков. Дисс... канд. психол. наук. М., 2004.
27. Кугай А. И. Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000.
28. Маковеев Д. В. Жизнь человека. Насилие и смерть: Аспекты социал.-филос. анализа. Пермь, 2004. 185 с.
29. Мартынова М. Д. Механизмы и способы противодействия экстремистской идеологии в вузе. Саранск, 2017.
30. Назаров В. Л. Профилактика экстремизма в молодежной среде. Екатеринбург, 2018.
31. Никонова С. Б. Конфликтология духовной сферы. СПб., 2018.
32. Остроухов В. В. Насилие сквозь призму веков: Историко-философский анализ. М., 2003.
33. Павленок П. Д., Руднева М. Я. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения. М.: ИНФРА-М, 2010.
34. Кочубей М. А., Мареев П. Л., Смирнов А. А., Сутормина Е. В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. М.: Русь, 2018. 93 с.
35. Ермаков П. Н. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: Традиционные и инновационные формы. М.: Кредо, 2018.
36. Рейнгах А. Д. Феномен насилия в современном киноискусстве. Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1996.
37. Сальников Е. В. Экстремистское насилие в обществе: Феномен, сущность, стратегии социального бытия. Дисс. д-ра филос. наук. М., 2014..

38. Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие. Криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2015.
39. Соснин В. А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
40. Писаренко О. Н., Болотова У. В., Янукян М. Б., Толчинская Т. И. Социальная природа экстремизма. М., 2019.
41. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социальные неравенство и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2008.
42. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Гаязова Э. Б., Алексеев С. А. Социокультурные особенности молодежного экстремизма. Казань, 2015.
43. Спирина А. В. Программа нивелирования отрицательных эмоциональных состояний у дошкольников, возникших под влиянием просмотра телепередач со сценами насилия, и формирования культуры телевосприятия. Шадринск, 2007.
44. Столяров А. В. Информационная свобода и информационное насилие: Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 2012.
45. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Президентом Российской Федерации, Указ от 29. 05. 2020, № 344
46. Сытых Е. Л. Роль и значение насилия в культуре: Дисс... канд. культурологии. Челябинск, 2003.
47. Тарасов К. А. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М.: Белый Берег, 2005.
48. Тевлюкова О. Ю. Насилие в социологии: Опыт теоретико-методологического анализа // Наука и мир. 2015. №7(23). С. 181-183.
49. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: Опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.
50. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014.
51. Тихонова Н. Е. Феномен городской бедноты в современной России. М.: Летний сад, 2003.
52. Тропинина И. Г. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре: Автореф. дисс... канд. филос. наук. Волгоград, 2012.
53. Федоров А. В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. М.: Директ-Медиа, 2013.
54. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
55. Хагуров Т. А. Феномен агрессии в системе ценностей современного общества: Дисс. канд. социол. наук. Майкоп, 2000.
56. Чельшева И. В. Подросток и экранное насилие: Проблемы семейного воспитания. М.: Директ-Медиа, 2013.
57. Чернова Г. Р. Психология и философия жестокости. СПб., 2007.
58. Остапенко А. А. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона: Опыт эмпирического исследования. Краснодар: Парабеллум, 2015.
59. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
60. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Флинта, 2006.
61. Bills C. B. The Relationship between Homicide and Suicide: A narrative and conceptual review of violent death // International Journal of Conflict and Violence (IJCV). 2017. V. 11. P. a400-a400. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3088>

62. Brighi E. Sentiments of Resentment: Desiring Others, Desiring Justice // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. 2019. V. 26. P. 179-194. <https://doi.org/10.14321/contagion.26.2019.0179>
63. Collins R. Two violent trajectories on the micro-macro continuum: emotional tipping-point conflicts, and dispersed attrition conflicts // International Journal of Conflict and Violence (IJCV). 2017. V. 11. P. a628-a628. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3096>
64. Hartmann E. Violence: Constructing an emerging field of Sociology // International Journal of Conflict and Violence (IJCV). 2017. V. 11. P. a623-a623. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3092>
65. Lawtoo N. Violence and the Mimetic Unconscious (Part One): The Cathartic Hypothesis: Aristotle, Freud, Girard // Contagion. 2018. V. 25. P. 159-192. <https://doi.org/10.14321/contagion.25.2018.0159>
66. Lawtoo N. Violence and the Mimetic Unconscious (Part Two): The Contagious Hypothesis: Plato, Affect, Mirror Neurons // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. 2019. V. 26. P. 123-160. <https://doi.org/10.14321/contagion.26.2019.0123>
67. Oberpfalzerová H., Ullrich J., Jeřábek H. Unofficial Storytelling as Middle Ground Between Transitional Truth-Telling and Forgetting: A New Approach to Dealing With the Past in Postwar Bosnia and Herzegovina // International Journal of Conflict and Violence. 2019. V. 13. P. 1-20. <https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.638>
68. Schils N., Verhage A. Understanding how and why young people enter radical or violent extremist groups // International Journal of Conflict and Violence (IJCV). 2017. V. 11. P. a473-a473. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3084>

References:

1. Adorno, T. V. (1998). *Izbrannoe: Sotsiologiya muzyki*. Moscow. (in Russian).
2. Antonova, E. Yu. (2018). Terrorizm kak ideologiya nasiliya. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, (2). 69-74. (in Russian).
3. Apazheva, S. S., Barazbiev, M. I., & Gegraev, Kh. K. (2017). *Ekstremizm v molodezhnoi srede*. Nalchik. (in Russian).
4. Artyukh, A. V. (2013). *Fenomeny nasiliya i terrorizma v kul'ture: filosofsko-antropologicheskii kontekst vzaimopolaganiya: Diss... kand. filos. nauk*. Belgorod. (in Russian).
5. Afanas'eva, R. M. (2007). *Sotsiokul'turnye usloviya protivodeistviya ekstremizmu v molodezhnoi srede. Diss. ... kand. filos. nauk*. Moscow. (in Russian).
6. Bashkatov, O. V. (2001). *Nasilie kak sotsiokul'turnyi fenomen: Diss... kand. sotsiol. nauk*. Saratov. (in Russian).
7. Bern, E. (1997). *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry*. St. Petersburg. (in Russian).
8. Bonkalo, S. V., & Bonkalo, T. I. (2015). Osobennosti zhiznennoi pozitsii chlenov molodezhnykh natsionalisticheskikh organizatsii. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*, 3(15). 63-72. (in Russian).
9. Borisov, S. N. (2013). *Praktiki nasiliya v kul'ture: Filosofsko-antropologicheskaya refleksiya. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk*. Belgorod. (in Russian).
10. Bukreev, V. I. (2011). *Chelovek agressivnyi: Istoki mezhdunarodnogo terrorizma*. Moscow. (in Russian).
11. Vetushinskii, A. S., Salin, A. S., & Galanina, E. V. (2018). *Videoigry: Vvedenie v issledovaniya*. Tomsk. (in Russian).

12. Gilinskii, Ya. I. (2017). *Sotsial'noe nasilie*. St. Petersburg. (in Russian).
13. Gorbunov, K. G. (2007). *Psikhologiya terrorizma*. Omsk. (in Russian).
14. Gorshkov, M. K. (2011). *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': Opyt sotsiologicheskoi diagnostiki*. Moscow. (in Russian).
15. Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2010). *Molodezh' Rossii: Sotsiologicheskii portret*. Moscow. (in Russian).
16. Guggenbyul' A. (2006). *Zloveshchee ocharovanie nasiliya: Profilaktika detskoj agressivnosti i zhestokosti*. Moscow. (in Russian).
17. Deev, S. Yu. (2018). *Formy i metody protivodeistviya rasprostraneniyu ideologii ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi. Rol' i zadachi obrazovatel'nykh organizatsii*. Elista. (in Russian).
18. Dorozhkin, Yu. N., & Izilyaeva, L. O. (2005). *Terrorizm kak sotsial'no-politicheskoe yavlenie*. Ufa. (in Russian).
19. Enikolopov, S. N., Kuznetsova, Yu. M., & Chudova, N. V. (2014). *Agressiya v obydennoi zhizni*. Moscow. (in Russian).
20. Zalikhanova, L. I. (2014). *Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty*. Moscow. (in Russian).
21. Zimbuli, A. E. (2002). *Kul'tura i nasilie: Eticheskii analiz*. Diss... d-ra filos. nauk. St. Petersburg. (in Russian).
22. Konstantinovskii, D. L., Voznesenskaya, E. D., Cherednichenko, G. A., & Khokhlushkina, F. A. (2011). *Obrazovanie i zhiznennye traektorii molodezhi: 1998-2008 gody*. Moscow. (in Russian).
23. Kostenko, M. A. (2014). *Detskoe nasilie v obrazovatel'noi srede: Fenomen, priroda, problemy predotvrashcheniya i preodoleniya*. Barnaul. (in Russian).
24. Koshkin, A. P., Zhidkikh, V. A., & Novikov, A. V. (2017). *Vospriyatie studentami obraza boevika-terrorista*. Moscow. (in Russian).
25. Krasikov, V. I. (2014). *Nasilie v evolyutsii, istorii i sovremennom obshchestve*. Moscow. (in Russian).
26. Kropaleva, T. N. (2004). *Rol' nasiliya v genezise protivopravnogo povedeniya podrostkov*. Diss... kand. psikhol. nauk. Moscow. (in Russian).
27. Kugai, A. I. (2000). *Nasilie v kontekste sovremennoi kul'tury*. St. Petersburg. (in Russian).
28. Makoveev, D. V. (2004). *Zhizn' cheloveka. Nasilie i smert': Aspekty sotsial.-filos. analiza*. Perm. (in Russian).
29. Martynova, M. D. (2017). *Mekhanizmy i sposoby protivodeistviya ekstremistskoi ideologii v vuze*. Saransk. (in Russian).
30. Nazarov, V. L. (2018). *Profilaktika ekstremizma v molodezhnoi srede*. Ekaterinburg. (in Russian).
31. Nikonova, S. B. (2018). *Konfliktologiya dukhovnoi sfery*. St. Petersburg. (in Russian).
32. Ostroukhov, V. V. (2003). *Nasilie skvoz' prizmu vekov: Istoriko-filosofskii analiz*. Moscow. (in Russian).
33. Pavlenok, P. D., & Rudneva, M. Ya. (2010). *Sotsial'naya rabota s litsami i gruppami deviantnogo povedeniya*. Moscow. (in Russian).
34. Kochubei, M. A., Mareev, P. L., Smirnov, A. A., & Sutormina, E. V. (2018). *Profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoi srede*. Moscow. (in Russian).
35. Ermakov, P. N. (2018). *Profilaktika ekstremizma i terroristicheskogo povedeniya molodezhi v internet-prostranstve: Traditsionnye i innovatsionnye formy*. Moscow. (in Russian).

36. Reingach, A. D. (1996). Fenomen nasiliya v sovremennom kinoiskusstve. Avtoref. dis... kand. filos. nauk. Moscow. (in Russian).
37. Sal'nikov, E. V. (2014). Ekstremistskoe nasilie v obshchestve: Fenomen, sushchnost', strategii sotsial'nogo bytiya. Diss. d-ra filos. nauk. Moscow. (in Russian).
38. Serdyuk, L. V. (2015). Semeino-bytovoe nasilie. Kriminologicheskii i ugovolno-pravovoi analiz. Moscow. (in Russian).
39. Sosnin, V. A. (2016). Psikhologiya terrorizma i protivodeistvie emu v sovremennom mire. Moscow. (in Russian).
40. Pisarenko, O. N., Bolotova, U. V., Yanukyan, M. B., Tolchinskaya, T. I. (2019). Sotsial'naya priroda ekstremizma. Moscow. (in Russian).
41. Gorshkov, M. K., & Tikhonova, N. E. (2008). Sotsial'nye neravenstvo i sotsial'naya politika v sovremennoi Rossii. Moscow. (in Russian).
42. Tuzikov, A. R., Zinurova, R. I., Gayazova, E. B., & Alekseev, S. A. (2015). Sotsiokul'turnye osobennosti molodezhnogo ekstremizma. Kazan. (in Russian).
43. Spirina, A. V. (2007). Programma nivelirovaniya otritsatel'nykh emotsional'nykh sostoyanii u doshkol'nikov, voznikshikh pod vliyaniem prosmotra teleperedach so stsenami nasiliya, i formirovaniya kul'tury televospriyatiya. Shadrinsk. (in Russian).
44. Stolyarov, A. V. (2012). Informatsionnaya svoboda i informatsionnoe nasilie: Avtoref. dis... kand. filos. nauk. Moscow. (in Russian).
45. Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda. Utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii, Ukaz ot 29. 05. 2020, №344. (in Russian).
46. Sytykh, E. L. (2003). Rol' i znachenie nasiliya v kul'ture: Diss... kand. kul'turologii. Chelyabinsk. (in Russian).
47. Tarasov, K. A. (2005). Nasilie v zerkale audiovizual'noi kul'tury. Moscow. (in Russian).
48. Tevlyukova, O. Yu. (2015). Nasilie v sotsiologii: Opyt teoretiko-metodologicheskogo analiza. *Nauka i mir*, 7(23). 181-183. (in Russian).
49. Tikhonova, N. E. (2007). Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoi Rossii: Opyt empiricheskogo analiza. Moscow. (in Russian).
50. Tikhonova, N. E. (2014). Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'. Moscow. (in Russian).
51. Tikhonova, N. E. (2003). Fenomen gorodskoi bednoty v sovremennoi Rossii. Moscow. (in Russian).
52. Tropinina, I. G. (2012). Ekrannoe nasilie i sposoby ego estetizatsii v sovremennoi kul'ture: Avtoref. diss... kand. filos. nauk. Volgograd. (in Russian).
53. Fedorov A. V. (2013). Prava rebenka i problema nasiliya na rossiiskom ekrane. Moscow.
54. Fromm E. (1998). Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. Moscow. (in Russian).
55. Khagurov, T. A. (2000). Fenomen agressii v sisteme tsennostei sovremennogo obshchestva: Diss. kand. sotsiol. nauk. Maikop. (in Russian).
56. Chelysheva I. V. (2013). Podrostok i ekrannoe nasilie: Problemy semeinogo vospitaniya. Moscow. (in Russian).
57. Chernova, G. R. (2007). Psikhologiya i filosofiya zhestokosti. St. Petersburg. (in Russian).
58. Ostapenko, A. A. (2015). Ekstremizm i etnosotsial'nye konflikty v molodezhnoi srede polietnicheskogo regiona: Opyt empiricheskogo issledovaniya. Krasnodar. (in Russian).
59. Erikson, E. (1996). Detstvo i obshchestvo. St. Petersburg. (in Russian).
60. Erikson, E. (2006). Identichnost': Yunost' i krizis. Moscow. (in Russian).

61. Bills, C. B. (2017). The Relationship between Homicide and Suicide: A narrative and conceptual review of violent death. *International Journal of Conflict and Violence (IJCV)*, 11, a400-a400. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3088>
62. Brighi, E. (2019). Sentiments of Resentment: Desiring Others, Desiring Justice. *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*, 26, 179-194. <https://doi.org/10.14321/contagion.26.2019.0179>
63. Collins, R. (2017). Two violent trajectories on the micro-macro continuum: emotional tipping-point conflicts, and dispersed attrition conflicts. *International Journal of Conflict and Violence (IJCV)*, 11, a628-a628. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3096>
64. Hartmann, E. (2017). Violence: Constructing an emerging field of Sociology. *International Journal of Conflict and Violence (IJCV)*, 11, a623-a623. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3092>
65. Lawtoo, N. (2018). Violence and the Mimetic Unconscious (Part One): The Cathartic Hypothesis: Aristotle, Freud, Girard. *Contagion*, 25, 159-192. <https://doi.org/10.14321/contagion.25.2018.0159>
66. Lawtoo, N. (2019). Violence and the Mimetic Unconscious (Part Two): The Contagious Hypothesis: Plato, Affect, Mirror Neurons. *Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture*, 26, 123-160. <https://doi.org/10.14321/contagion.26.2019.0123>
67. Oberpfalzerová, H., Ullrich, J., & Jeřábek, H. (2019). Unofficial Storytelling as Middle Ground Between Transitional Truth-Telling and Forgetting: A New Approach to Dealing With the Past in Postwar Bosnia and Herzegovina. *International Journal of Conflict and Violence*, 13, 1-20. <https://doi.org/10.4119/UNIBI/ijcv.638>
68. Schils, N., & Verhage, A. (2017). Understanding how and why young people enter radical or violent extremist groups. *International Journal of Conflict and Violence (IJCV)*, 11, a473-a473. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3084>

Работа поступила
в редакцию 12.08.2020 г.

Принята к публикации
17.08.2020 г.

Ссылка для цитирования:

Кузина Н. В. О современном состоянии информационной защищенности общества: механизмы формирования и пути предотвращения индукции деструктивной идеологии в среде подростков и юношества при влиянии современной музыкальной и кино-культуры, видеоконтента Интернета // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №9. С. 330-355. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/58/37>

Cite as (APA):

Kuzina, N. (2020). Current State of the Information Security: Formation Mechanisms and Ways to Prevent the Induction of Destructive Ideology Among Adolescents and Youth Under the Influence of Modern Music and Film Culture, Internet Video Content. *Bulletin of Science and Practice*, 6(9), 330-355. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/58/37>